

М. М. Лойша

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТНОГО НАРРАТИВА

Статья посвящена исследованию особенностей личностного нарратива, который рассматривается как специфический тип нарратива, используемый нарратором для вербализации индивидуального опыта. Автором выделяются основные нарративные секвенции и нарративные эпизоды, являющиеся ключевыми в конструировании идентичности рассказчика. Анализируются основные типы текстовой модальности для описания смысловых нагрузок текста, а также с опорой на модель структуры нарратива, разработанную У. Лабовым, определяются типы структурной организации личностного нарратива.

Возникнув в рамках литературоведения, современная нарратология сформировалась как отдельная междисциплинарная область, которая изучает фундаментальные принципы повествования в текстах различных жанров и функциональности. В. И. Тюпа писал в этой связи: «Современная нарратология представляет собой весьма обширную область научного поиска в области сюжетно-повествовательных высказываний (дискурсов), соотносимых с некоторой фабулой (историей, интригой). Речь идет не только о художественных текстах и порой даже не только о текстах вербальных: усилиями историков, философов, культурологов категория нарративности получила весьма широкое распространение и богатое концептуальное наполнение» [1, с. 4].

Глубокие преобразования в научном аппарате современной нарратологии последних десятилетий способствовали широкому распространению представления о нарративе как структурной основе различных типов дискурса, где нарратив выполняет когнитивную функцию, позволяющую вербально фиксировать смыслы, конструируемые человеком в течение жизни. Нарративный поворот в гуманитарных науках привел к осознанию, что «функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их нарративной, повествовательной, природы» [2, с. 56]. Схожего представления о когнитивной функции нарратива придерживается и А. Б. Богдановская, утверждая, что «человек не имеет иных способов описания пережитого, кроме как в форме нарратива, включающего рассказ о значимых событиях автобиографии в знаковую систему восприятия себя и мира» [3, с. 173].

Если рассматривать нарратив как форму вербализации знаний, опыта и восприятия окружающей действительности, особую актуальность приобретает изучение личностного нарратива. В традиционном нарративе повествование ведется в третьем лице, что позволяет рассказчику добиться иллюзии отстраненности от изображаемых событий и создать впечатление их объективного изложения. Данной форме противопоставляется повествование от первого лица, в котором рассказчик выступает действующим лицом излагаемых событий, тем самым вербализуя сценарий жизненных событий. Такой нарратив Е. В. Падучева называет перволичным, хотя в настоящее время он чаще обозначается как личностный нарратив [4, с. 202].

Сегодня одним из наиболее перспективных направлений исследования личностного нарратива является междисциплинарное изучение нарративной концепции личности. По утверждению Д. Макадамса, человек организует свою идентичность посредством вербального нарратива, представляющего собой «личный миф», который складывается в подростковом возрасте и пересматривается всю последующую жизнь. Множество «ядерных» эпизодов, которые отбираются из событий биографической памяти, служат материалом для конструирования личной идентичности. При этом Д. Макадамс отмечал, что люди отбирают и интерпретируют отдельные воспоминания как я-определяющие, обеспечивая им привилегированный

статус в жизненной истории. Другие потенциальные кандидаты на этот статус принижаются. Таким образом, идентичность в определенной степени является продуктом выбора [5, с. 149–150].

Проблема возможности построения научно-теоретических структур гуманитарного знания через осмысление структур повседневной жизни обсуждается в работах философа В. Дильтея. Согласно его идеям, нарратор всегда стремится к тому, чтобы представить фрагменты своей жизни как смысловое целое, а не как череду разрозненных событий. Имплицитная когерентность изложения предполагает наличие смыслообразующего ядра, которое будет связывать данные фрагменты общим смыслом. Рассказывая о своей жизни, нарратор совершает «детерминированную контекстом биографическую работу, выделяя одни фрагменты своей жизни и опуская другие» [6, с. 243].

Иными словами, в личностном нарративе повседневная индивидуальная жизнь претерпевает трансформацию, смысловое единство разнообразных жизненных проявлений в результате их понимания становится явным, последовательность музыкальных образов превращается в мелодию. «Жизнь, как значимое целое, сохраняет не все детали жизненного опыта, случайное, побочное отпадает, но этот выбор осуществляется в течение жизни и наука опирается на этот выбор памяти» [7, с. 52].

Изучение формирования этой нарративной структуры, т.е. выбора нарратором определенных секвенций, особенно важно для составления дискурс-портрета изучаемой личности и для понимания особенностей конструирования ее идентичности.

Целью данной статьи является анализ личностного нарратива Рут Гинзбург на материале интервью, которые она давала различным СМИ в период, который охватывает 2013–2020 гг. Известный юрист занимала пост судьи Верховного суда США, ее путь к этому посту – это история женщины, которая бросила вызов миру, принадлежащему мужчинам. Р. Гинзбург известна не только своей юридической деятельностью, но и борьбой с гендерными стереотипами, борьбой за права человека, и женщин в частности. Выборка из шести интервью включает 50 нарративных эпизодов, посвященным различным периодам ее личной и профессиональной жизни.

Анализ текста, ориентированный на реконструкцию автобиографического рассказа, позволяет выделить секвенции или нарративные темы, которые указывают на значимые для нарратора этапы в жизнеописании. Для Р. Гинзбург этими секвенциями оказались следующие нарративные темы: детство, учеба, брак и семья, карьера, ее болезнь и ее популярность. Статистический метод помогает понять, какие из данных нарративных тем являются наиболее значимыми для нарратора. Так, большинство нарративных эпизодов посвящены борьбе Р. Гинзбург с дискриминацией и ее карьере, 42 %. Еще одной важной темой ее личностного нарратива является тема брака и семьи, которая составляет 22 % от общей выборки. Наименее раскрытыми темами являются темы болезни и ее популярности, 6 и 4 % соответственно.

Для того чтобы получить более точное представление о личностном нарративе как способе конструирования идентичности, необходимо подвергнуть фрагментированию общие нарративные темы. При анализе ключевых секвенций следует выделить более мелкие единицы нарратива, которые позволяют определить ключевые категории, характеризующие опыт рассказчика. Исследование генеральных тем в личностном нарративе Р. Гинзбург дает уточненную картину ее дискурс-портрета. В генеральном нарративе о своем детстве Р. Гинзбург выделяют эпизоды, посвященные Второй мировой войне, своему происхождению, матери и важности учебы в еврейских семьях. В нарративе, рассказывающем об учебе в университете, выделяются два эпизода – истории о преподавателях, повлиявших на выбор юридической карьеры, и истории о попытках совмещать учебу с ролью матери и жены. Нарративный дискурс о браке и семье фокусируется на Мартине Гинзбурге, муже нарратора, хотя в отдельных эпизодах упоминаются и другие родственники. Нарративная тема, раскрывающая ее видение своей карьеры, включает фрагменты о решении стать юристом, важные юридические дела и отношения с коллегами, участие в движении за равные права. Личностный нарратив о болезни и ее популярности достаточно скудный и не поддается фрагментации.

Еще одной особенностью личностного нарратива является множественность текстуальных модальностей. Как пишет Е. Здравосмылова, анализируя разные модальности текста и их сочетания, сравнивая вербальные репрезентации с событийной канвой рассказа, можно составить представление о смысловых нагрузках текста и выявить тот смысловой стержень, который объединяет нарратив в единое целое. Е. Здравосмылова выделяет *три вида модальности*. Описание представлено изложением последовательности событий и опытов, соотносенных с пространственно-временным контекстом. В тексте нет описания эмоций и ощущений, нет эксплицированных оценок. Согласно Е. Здравосмыловой, такой текст подобен дистанцированному изложению, где вовлеченность рассказчика обозначена лишь указанием на его функцию, как, например, типовая автобиография. Собственно нарратив включает эмоционально насыщенные фрагменты текста, которые содержат описание собственных переживаний, относящихся к некоторому ситуативному опыту. Без эмоциональной части нарратив рассматривается не как рассказ о пережитом, а как сухая канва событийной цепочки. Интерпретация содержит объяснение и оценку произошедшего. Рассказчик эксплицирует причинно-следственную связь событий, относящихся к его жизненному опыту, генерализирует факты, выстраивает системы референций и т.п. [8, с. 234–235].

В личностном нарративе Р. Гинзбург превалирует интерпретация событий (61 % от общей выборки), что свидетельствует о ее стремлении дать оценку пережитому опыту и представить аудитории личное видение событий из своей жизни. В качестве языковых маркеров данной текстовой модальности можно выделить оценочную лексику, эмфатические конструкции,

стилистические приемы. Например, рассказывая о своем детстве, Р. Гинзбург указывает на свое еврейское происхождение, чтобы дать оценку своим успехам: *learning is **highly prized** among Jews; it makes you **more empathetic** to other people who are not insiders, who are outsiders*. Описывая роль мужа в своей профессиональной жизни, Р. Гинзбург атрибутирует свой успех его вере в ее способности: *Of all the boys I had dated, **he was the only one who really cared that I had a brain***. Однако в случае личного нарратива о юридических делах, которые рассказчик рассматривала на протяжении своей карьеры, интерпретация как текстовая модальность носит другой оценочный характер. Оценка уже указывает не на внешние факторы, которые помогли добиться успеха, а на положительный результат, полученный после каждого выигранного дела, например: *The school has **hardly gone to rack and ruin**. It's **gotten better in every way**, and they're **very proud** of their women cadets*.

Собственно нарратив составляет 39 % от общей выборки. Данная текстовая модальность присутствует во всех общих нарративных темах. Характерными языковыми маркерами является лексика, описывающая эмоции и переживания нарратора. Например, *World War II had just ended and there was great **optimism*** (о детстве); *I thoroughly **enjoyed** my three years in law school* (об учебе в университете); *if you have survived cancer, you have **a zest for life that you didn't have before, that you count each day as a blessing*** (о выздоровлении мужа); *I was **surprised** that that turned out to be a two to one decision* (о голосовании коллег).

Обратимся теперь к структуре личного нарратива. В основе структурного анализа внутренней формы личного нарратива лежат принципы, сформулированные У. Лабовым, которые были приняты большинством лингвистов и психологов, изучающих проблемы вербализации жизненного опыта личности. Модель структуры нарратива личного опыта по У. Лабову включает шесть обязательных элементов. А именно, ученый предлагает выделять следующие элементы в завершенном нарративном эпизоде: 1) резюме, или тезис, отражающее суть повествования; 2) ориентацию, позволяющую локализовать описываемые события и действующих лиц во времени и пространстве; 3) последовательность событий, конкретизирующую, что именно случилось; 4) резолюцию, описывающую разрешение ситуации и указывающую на окончательный результат; 5) оценку произошедшего нарратором и 6) коду, сигнализирующую о выходе из нарративного режима [9, p. 32–39].

Данная структурная модель лежит в основе любого личного нарратива, однако только в 6 % от собранных примеров она выступает в каноническом виде.

Следующий пример личного нарратива, посвященного теме брака и семьи, представляет собой нарратив, сконструированный в четком соответствии с описанной У. Лабовым схемой.

Анализ личностного нарратива по У. Лабову

Тезис	Marty was my biggest booster all my life.
Ориентация	We were married the same month I graduated from college. Marty had his first year of law school.
Последовательность	He was then taken out at the tail end of the Korean War for service. So when he went back, he was in his second year, I was in my first year. And one of his classmates, this is someone I had known at Cornell, said to me, “you know your husband, he’s bragging about you. He’s saying you’re going to be on the Law Review – and I looked at you and you were this little twerp person.”
Резолюция	But that’s the way Marty was – always made me feel I was a little bit better than I thought it was. But which was extraordinary for a young man. In the 50s I went to a school, Cornell University, where the ratio was four men to every woman, it was the ideal place for parents of a daughter. If you could not find a man at Cornell you were hopeless.
Оценка	What made Marty so overwhelmingly attractive to me is that he cared that I had a brain and I hadn’t met a guy before who was interested at all. And some of my classmates at Cornell, very bright women, they would play dumb. That was the way to please the man, to make him feel more important. Marty was so secure in his own ability that he never regarded me with any kind of a threat. Far from it.
Кода	I think his idea was, if I decided I wanted to spend the rest of my life with Ruth she’s gotta be something special.

Примечательно, что данные нарративные эпизоды являются рассказами Р. Гинзбург о муже, что свидетельствует об его исключительной значимости в ее жизни и о высокой степени ее эмоциональной вовлеченности. Большинство эпизодов, а именно 67 % от выборки, характеризуется опущением одного или более второстепенных элементов, при этом нарративные фрагменты, посвященные ее профессиональной деятельности, демонстрируют опущение только одного элемента, коды, что может быть объяснено жанровыми особенностями интервью, где переход к следующему эпизоду инициируется журналистом. В целом же, структура данного нарратива соответствует канонической форме. Согласно У. Лабову, чем тщательнее рассказчик придерживается канонической структуры нарратива, тем более значительную роль этот нарративный эпизод играет в оценке его жизненного опыта [9, p. 40].

Изменение порядка следования элементов было отмечено в 27 % исследуемых эпизодов. Изменение порядка следования элементов структуры личностного нарратива применяется в случае, если авторская логика изложения требует акцентировать тот или иной фрагмент нарратива, сконцентрировать на нем внимание читателя или слушателя, указывая тем

самым на его особую значимость для понимания сути повествования. В случае с личностным нарративом Р. Гинзбург наблюдается только один тип модификации канонической структуры, когда оценка событий нарратором предшествует описанию самих событий, что может быть объяснено преобладающей модальностью ее личностного нарратива, т.е. попытками дать интерпретацию своему жизненному опыту, а не поделиться со слушателями своими переживаниями и эмоциями.

Таким образом, результаты интерпретации языкового материала позволяют сделать следующие выводы. В рамках анализа личностного нарративного дискурса Р. Гинзбург были выявлены устойчивые нарративные темы, отличающиеся стабильным набором нарративных эпизодов, указывающих на их важность в формировании идентичности нарратора и на то, как нарратор осмысливает свой жизненный опыт. Дальнейший структурно-семантический анализ позволяет выявить способы вербализации и актуализации нарративных структур, обусловленных прагматикой нарратива. Именно интерпретация становится основной модальностью, помогая упорядочить событийный ряд и осмыслить пережитый опыт. Интерпретация как текстовая модальность предопределяет и структуру нарративных эпизодов, анализ которой позволяет сделать выводы о наиболее значимых событиях в создании нарративной я-концепции Р. Гинзбург. Следование канонической структуре или ее модификации указывает на содержательно значимые структурные компоненты личностного нарратива. Вышеперечисленные результаты исследования раскрывают стратегию нарратора и помогают понять его основной замысел.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тюпа, В. И.* Нарратология как аналитика повествовательного дискурса (Архиерей А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. – Тверь, 2001. – 58 с.
2. *Троцук, И. В.* Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках / И. В. Троцук // Вестн. РУДН. Сер. Социология. – 2004. – № 6–7. – С. 56–74.
3. *Богдановская, А. Б.* Психосемантическое исследование личностно-смысловой организации автобиографического нарратива / А. Б. Богдановская. // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2012. – № 153 (1) – С. 171–178.
4. *Падучева, Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 464 с.
5. *Макадамс, Д.* Психология жизненных историй / Д. Макадамс // Методология и история психологии. – 2008. – № 3. – С. 135–166.
6. *Дильтей, В.* Собрание сочинений : в 6 т. / В. Дильтей ; под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова. – М. : Три квадрата, 2000–2004. – Т. 3 : Построение исторического мира в науках о духе. – С. 10–413.
7. *Арон, Р.* Избранное : Введение в философию истории / Р. Арон. – М. ; СПб. ; ПЕР СЭ, Университетская книга, 2000. – 543 с.

8. Здравомыслова, Е. Анализ нарративного интервью: реконструкция биографической работы / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Российский гендерный порядок: социологический подход. – СПб., 2007 – С. 227–249.

9. Labov, W. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience / W. Labov, J. Waletzky // Essays on the Verbal and Visual Arts. – Seattle ; London, 1966. – P. 12–44.

The article focuses on studying personal experience narrative in terms of its structural and functional peculiarities. Analysis of the narrator's verbalized experience helps to reconstruct the narrator's identity by singling out general narrative topics, narrative episodes, prevailing modality and forms of structural organizations that serve to emphasize the narrator's subjective view and evaluation of the events.

Поступила в редакцию 28.12.2020